

ЮРИЙ КУКСОВ

ЛЕСОМ – ПОЛЕМ

СТИХОТВОРЕНИЯ

**Издательство Московского государственного
университета леса
2004**

ББК-674

К-89

ISBN 5-85423-022-4

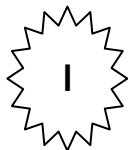

Стихи Юрия Куксова – результат многолетних экспедиционных обследований лесов и болот Европейского Севера России, Сибири, Мещёры, Заветлужья... Встречи с людьми на лесных кордонах, у походных костров, работа изыскателя, порой в экстремальных условиях, оставили в душе поэта

впечатления на долгие годы, которые со временем преобразуются в стихи. «Лесом – полем» – третья поэтическая книга Юрия Куксова, в которой стихи родились из походных записей в полевых дневниках поэта-изыскателя.

© Ю.В.Куксов, 2004

ЗАГЛЯНУТЬ ЗА ГОРИЗОНТ

БОРЫ

На рассвете, чутком по-собольи,
Встанут –
 и не взять их в топоры! –
Строгие, как древние соборы,
Светлые сосновые боры.
Я неизлечимо болен далью,
Вновь дорожной маятой лечусь.
Старый бор – моя исповедальня,
Колыбель всему, чьё имя – Русь.
Я его восторженный заложник,
С соловьиной песней, не с мошной.
Бор грибной, просторный беломошник,
Душу мне врачует тишиной.
Не для тех, кто словом вяжет петли,
Мудрецом сльвёт на стороне,
Бор шумит высокий, чистый, светлый,
Эхом отдающийся во мне.

*Спас-Клепиковский лесхоз,
Тумское лесничество*

1968

* * *

На мох прилягу, мох – перина,
Постелью – матушка-земля,
И чую силу исполина
В себе,

как Муромец Илья.

Не утруждал игрой в интригу
Судьбу

и злобой не сорил.

Я пашни чёрную ковригу
Горячим потом посолил.

И перед лесом, перед полем,

Как перед Богом на духу,

Не нёс с высоких колоколен

С учёным видом чепуху.

Земля неправды не прощала,

Но в мудрой щедрости своей

С лихвою силы возвращала,

В работе отданные ей.

Заря у ног моих плескалась,

Шла ночь под щёлканье дрозда.

Стекала с плеч моих усталость,

И в душу падала звезда.

1973

* * *

Природа с нами ищет встреч,
А мы к ней – с гордой спесью.
Но стоит лишь на землю лечь –
И обретаешь слух и речь,
И тягу к равновесью.

Какому богу ни служи,
А всё же в дни сомнений
В лесной глуши, в земной тиши
Ищи почаще для души
Подобных заземлений.

Не правь вертявкой колёй –
Ходи, не порывая
Той связи родственной с землёй,
В самом себе глубинный слой
Надежды открывая.

Нет лучше средства – босиком
От чванства, от снобизма,
И чтобы – ликами с икон –
Тебе светили испокон
Любовь, Душа, Отчизна!

1976

* * *

Я полон гулом океана,
В моей груди гремит прибой.
Меня природа окунала
В морскую пену с головой.
Мне пёстрый мир лесной понятен
В его дремучем естестве
С мозаикой дрожащих пятен
От солнца рыжего в листве.
И кто бы, ушлый, ни пытался
Обманом заманить в осот,
Я в поле с небом побратался,
Я заглянул за горизонт.

1973

* * *

Только так – сгоряча,
Одержимо, лобасто –
В жизнь наотмашь, сплеча,
Как в породу, врубаться.
Как матрос с корабля –
Пятерня на гранате, –
Пусть качает земля,
Весь –
 до ленточек –
 натиск!

Выше личных обид
Будь рискованно отчаян,
Чтоб разламывать быт,
Как братишка Корчагин.
Жить, удары цenia
С той лишь целью, признаться:
Нужно падать с коня,
Чтоб уметь подниматься!

1981

* * *

Своей судьбе я был начальником,
С машины прыгал на ходу –
Уверен был: не пропаду!
И с чувством гордости отчаянным
Держал фортуна за узду.
От непогод укрытый робою,
Я почитал за честь особую
Простую дружбу работяг.
А это, право, не пустяк,
Чтоб ощущать горбом, утробою,
Что ты у жизни не в гостях.
Была работа ювелирная,
Давила рейка нивелирная
Сквозь телогрейку на плечо,
И бригадир кричал: - Ещё!..
Потом в сыром лесу за Вологдой
Я телогрейку клал под голову,
И снились мне также сны! –
По части женщин и весны...
А та единственная женщина,
Что материлась по-мужски,
Давясь махоркой от тоски,
Была в одном лишь неизменчива –
По части водки и трески.
Я жил, быть может, не по-божески,
Зато в столовках леспромхозовских
Рубал такие гуляши! –
С каких не то что норму выдюжить –
Такие можно штормы выдержать,
Была б работа для души!
Коль вынуждали обстоятельства,
Мы принимали обязательства,

**И было дел невпроворот.
Я, может, жил не слишком праведно,
Но понимал идею правильно
И никогда – наоборот.**

1977

* * *

Мы душой лесные люди.
Мы – поэты топора.
По утрам в тайге нас будит
Писк родного комара.
Светит ягода-брусника,
Из-под ног бегут грибы.
Эй, лицо ополосни-ка
Чистым дождиком судьбы!
Мы по жизни не с мошною,
А на собственный манер:
Каждый песенник душою,
Бородою – старовер.
Хоть с изнанки, хоть снаружи
Все мы, в общем, мужики.
Для добра открыты души,
А для драки – кулаки.
И когда домой поедем
Через речку, через мост,
Косолапому медведю
Колесом отдавим хвост.

Шахунский лесхоз
1972

* * *

*«Флора северо-западной Мещёры
носит северный характер».*

Л.Михайлов (ВНИИЛМ)

Всплеснёт заря в объятых бора,
Печаль обронят журавли –
И в душу западёт Мещёра
Осколком северной земли.
В ночах, где звёзд электросварка,
В обходах, пахнущих смолой,
Проступит явственно и ярко
То сходство с северной землёй.
И чайка – белая на сером –
Крылом мечты коснётся глаз...
Живу в Мещёре я, а сердцем
В суглинок северный увяз,
Спускаюсь ложбинкою отлогой
К болотцам, в холод слюдяной –
И вновь я где-то за Мологой
Или за Северной Двиной.
Край неба в тучах заполошных,
На просеке следы телег,
И под ногою беломошник
Хрустит, как на морозе снег.

* * *

Стосковался по болотам,
Словно лётчик по полётам,
В прошлом списанный в запас.
Так что кстати и некстати
Стали сниться мхи да гати,
Стрелолоист да водокрас.

О, какие там пейзажи! –
Нет, не Нестеров, и даже
Не Гоген и не Матисс, –
Клок тумана над трясиной,
Ноги, стёртые резиной,
В перспективе – ревматизм.

В робу жёсткую одетый,
Стопкой водки подогретый,
И с заплочным вещмешком,
Я, топор заткнув за пояс,
Брёл упорно, как на полюс,
Мерил топи батожком.

Над болотом, над Порусью*
Журавли делились грустью,
Нечисть жалась по углам.
Ну а я, страную призван,
С полной торбой оптимизма
Шёл к вершинам коммунизма
С кислой клюквой пополам.

* Река, протекающая через болотный массив (ныне Государственный природный заповедник «Рдейский») на границе Псковской и Новгородской областей.

И за мной мелиоратор
Запускал свой экскаватор,
Наводя на топь мосты.
И – хоть верьте, хоть не верьте –
Из трясин сигали черти,
На лету поджав хвосты.

Да и я не в лучшем виде,
На начальников в обиде –
Знать, куда б кого послать!
Но потом, подобно квочке,
Примастырившись на кочке,
Собирал стихи по строчке
В пикетажную тетрадь.

Нынче те болота в прошлом...
Только, как в романе пошло,
Вдруг захочется порой,
Чтоб комар звенел над ухом,
Чтоб навеки, бляха-муха,
Пропитаться русским духом,
Самогоном и махрой.

БОЛЬНЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Как свечные тусклые огарки,
В ржавой хвое – с летом не попад –
У дороги ёлки-перестарки
На ветру простуженно скрипят.
Им не расшуметься с бурей гулкой.
В старых ранах запеклась смола.
Гриб коварный – корневая губка
Их под самый корень подсекала.
По стволам замшелым, толстокорым
Липкий дождь сполна отморосил.
Старый ствол держать устали корни,
Напрягаясь из последних сил.
Страшно им со смертью согласиться,
Распроститься с небом навсегда,
Жить и знать, что никакая птица
В мёртвой кроне не совьёт гнезда.

Воре-Богородское лесничество

В ГОРНОЙ ТАЙГЕ

Осыпи Байкальского нагорья,
Лиственниц шершавое корье...
За пространство жизненное споря,
Нашей крови жаждет комарье.
Тучей гнус над ерниками* виснет,
Пенистый бурун в камнях кипит.
Однозначным перекрёстком жизни
Стал для нас седой Гасан-Дакит**.
Он грохочет в каменных объятьях,
Запросто сдвигая валуны.
И ему в его медвежьих падах
Никакие цепи не страшны.
Он летит, как маленький цунами,
Через все преграды напрямик,
Поднимая над волной, как знамя,
Хариуса розовый плавник.

*Ангарский лесхоз, Бурятия
1970*

* Ерник – заросли карликовой берёзки, растительность высокогорной тундры.

** Левый приток реке Холодной, подпитываемый тающим ледником.

* * *

В горах, в утробе ледника,
Где эхо спит в распадке,
Родилась звонкая река,
Как сосунок у матки.
Потом другая вслед за ней,
И вместе две сестрички
Уже гремят среди камней,
Как две разбитых брички.
И там, где чащи непрогляд,
К ним подбегает третья.
Уже втроём они летят
Сквозь мглу тысячелетья.
Стараясь скалы сокрушить,
Работают, как свёрла.
Сто опер может заглушить
Их каменное горло.

Северо-Байкальское нагорье
1970

* * *

Когда прибой уснёт в прибрежной гальке
И ночь придёт по тихим струнам сна,
Закат на горизонте, как на кальке,
Рисует силуэт Баргузина.

И небо, будто лампа вполнакала,
Никак не гаснет на краю земли,
Как будто по ту сторону Байкала
До океана всю тайгу сожгли.

Нижне-Ангарск
1970

ТАЙГА ЗИМОЙ

Вчерашней бурей-мглой
Всё было шито-крыто,
А нынче, как иглой,
Тайга лучом прошита.

И солнце, и мороз,
И благовест синичий,
И кедры – в полный рост! –
Во всём своём величье.

*Ангарский лесхоз, Бурятия
1970*

ЛАДОГА

У горизонта отогреет
Гроза в овчинах облаков,
И ветер разом подобреет –
Причешет космы ивняков.

Свинцовой Ладоги дыханье
Приму, как нищий благодать.
Пускай не выразить стихами
И красками не передать.

Но если сердце отзовется
На голос ветра неспроста –
Из тесноты на волю рвется
Ушкуйный посвист в два перста

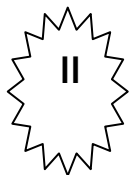
пос. Ууксу, Карелия
1971

ЗАПОЛЯРЬЕ

Закутаюсь в шарф из метели,
Сдружусь по пути с высотой –
Подальше от той канители,
Что хитро зовём суетой.
Метельным пространством освистан,
Я слышу созвучий оркестр
В границах высокого смысла,
Где ценят не слово, а жест.
Где люди особого свойства,
И ветер пространства упруг,
И правит судьбой беспокойство
За всё, что творится вокруг.
Нам сердцем оттаивать стужу,
И лайки нас ждут на снегу.
Встаём и выходим наружу –
И грудью сминаем пургу.

1976

ВОЗВРАЩАЯСЬ В ТИШИНУ...

* * *

В мои привычки входит прочно
Уют походного костра,
И горьковатый привкус почки,
И запах прелого листа.
И мне теперь уже не трудно
С земли, оттаявшей на треть,
Вдохнуть свободно, полной грудью,
Начало жизни подсмотреть.
Уйти в простор проталин чёрных
И слушать в рощице весну,
Где ветер запахи черёмух
Из края в край переплеснул...

1957

НАЧИНАЕМ С ГРУСТЬЮ ПОНИМАТЬ...

Люди – мы идём на поклоненье
К лесу, к розовеющим лугам.
Глиною испачканы колени,
Лопухи колотят по ногам.
Нам в ладони, жаждущие чуда,
Падают горошины дождей.
Вот такая странная причуда
Вдруг одолевает нас, людей.
По утрам, потягиваясь с хрустом,
Захмелеем тихой добротой,
И каким-то незнакомым чувством
Подняты мы вдруг над суетой.
Возвращаясь в тишину, как в детство,
Трогая веслом речную гладь,
Может, мы впервые наконец-то
Начинаем с грустью понимать,
Что прекрасней нет приобретения
Жить на этой солнечной земле,
Расплетая троп хитросплетенья,
Шевеля лозинкою в золе...

1985

* * *

Лесной край, откуда берут начало Волга, Днепр и Западная Двина, искони считался славянским, колыбельным краем Руси. Здесь обитали племена кривичей, поклонявшихся языческим богам. Память о тех далёких временах сохранилась в названиях рек и речек с топонимами славянского происхождения – Велеса, Турсна, Лучеса́, Береза́, Льба...

От всевельможной дурости
И спившихся Емель
Уплыть бы вниз по Турсне
За тридевять земель!
Уходят годы в прошлое,
И мудрость спит в веках...
Боры-зеленомошники
В грибах-боровиках.
На росстанях лесничества
Горит роса-слеза,
И манит в глушь язычества
Ведунья Велеса.
Пойду к лесной околице,
Сомну брусницу в кровь.
Я посвящён глаголицей
Облечь в слова Любовь.
Бежит река по камушкам,
По камушкам, пока
Сыра-земля мне – матушка,
Избою – бор-тайга.
Сокрыл берёзы-свечечки
От сглаза хмурый лес.
И смотрит по-отечески
Бесхитростный Велес.

Весесское лесничество, Тверская область

ЛЕСНАЯ СТОРОЖКА

Тепла и добра в непогоду
Простая изба лесника,
Сама порожденье природы –
Как лист,
 как струя родника.
В ней прошлое, глыбой слежавшись,
Глядит из замшелых пазов
Глухими глазами кержацких
И древних мещёрских лесов.
Двустволку приставлю к порожку
И попусту не наслежу.
Я в эту глухую сторожку,
Как будто в светёлку, вхожу.
Промок, надышался болотом,
Озноб ощущаю спиной
И слышу, впадая в дремоту,
Как полночь течёт за стеной.

МЕДВЕДИ

По характеру медведи
добродушны и смешны,
только души их одеты
в бурый сумрак тишины.
Одиноки, как монахи,
и добры, как лесники.
Человеческие страхи
от медведей далеки.
Тёмный ельник –
частый бредень.
Заблудился и – молчи!
В нём живущие медведи
по призванию циркачи.
Им бы на велосипеде
по арене
под оркестр,
но, к несчастью,
всем медведям
не хватает в цирке мест.
И живут среди валежин
от признанья вдалеке
в тихом сумраке медвежьем,
в полудрёмном закутке.
Захмелев от иван-чая,
спят под тёплым запахом смол...
Но порой встают, отчаясь,
грудью
на ружейный ствол.
Их покой медвежий шаток,
в тесном сумраке зажат...
Остаются медвежата.
Жалко детям медвежат.

Потому что знают дети
то, что дети знать должны:
по характеру медведи
добродушны и смешны.
Но среди ночей холодных,
Видно, леший наследил,
Чтоб с похмелья злой охотник
Медвежат осиротил.
Шубу выкроил из шкуры,
расстелил на кирпичи
и разводит шуры-муры
с молодухой на печи.

1967

* * *

Как страшно оступиться в тишине,
Сухой сучок сломать неосторожно!
В лесу,

 о чём ни думалось бы мне,
Всё отчего-то на душе тревожно.
Вот о сосну рогами стукнул лось,
Вот из-под самых ног взметнулась птица –
Всё сразу вдруг во мне оборвалось,
Я испугался. Надо ж так случиться!
Стою один за ёлкой, не дыша,
И жду –

 с вершины шишка ли сорвётся,
Сухие иглы опадут, шурша, –
Как будто кто-то по лесу крадётся.
Вот дерево –

 как через речку мост –
Повалено каким-то зверем лютым...
Одна лишь мысль всё время точит мозг,
Одна лишь цель:
 скорей бы выйти к людям!

1960

ВЗДЫМЩИЦЫ

*Вздымщик – рабочий на под-
сочке леса, по заготовке
ценного химического сырья
– сосновой живицы*

За Слудно вздымщицы в почёте.
В платках больших – от комарья.
Не откупиться от пощёчин,
Коль набиваться в кумовья.
Вдвоём в обнимку с ночью звёздной,
Во сне у счастья на краю,
Их души, стройные, как сосны,
Восходят медленно в зарю.
К ним лезут с мыслью поживиться,
Они ж – наотмашь по щекам.
От рук их, пахнувших живицей,
Порой не сладко мужикам.
Пусть не празднично красивы,
Под чьи-то взгляды и смешки
Они в себе находят силы
За жизнь держаться по-мужски.
Когда ж в глазах забрезжит далью
И станет душно, как в логоу,
Приходят, как в исповедальню,
Они в суровую тайгу.
И мать-тайга им души лечит
Полынным запахом хвои
И неспеша кладёт на плечи
Ладони грубые свои.
И в тишине сердца оттают,
И, все печали сокруша,
Их души к звёздам прорастают,
Сухими былками шурша.

Чагодощенский ЛПХ, Вологодская область

НЕЯ

Где сумерки синее –
В рассветных дебрях сна
Течёт речушка Нея,
Как золушка, скромна.
Студёный взор потупив
В ресницах тростников
Течёт, а на уступах –
Сторожки лесников.
Над речкой лес, как шуба,
Иголки вкривь и вкось.
Отфыркиваясь шумно,
Ступает в воду лось.
Тревожен омут чуткий –
В нём, ярости полны,
Стреляют в берег щуки
Из чёрной глубины.
Сплелись и быль, и небыль
В дымок над костерком,
Я черпал в речке небо
Помятым котелком.
И дух грибных прогалин
Жил в ельнике густом.
И был мой чай заварен
Смородинным листом.

*Нейский лесхоз, Костромская область
1966*

НОЧЬ НА СУХОНЕ

Тихое свечение воды.
Стебельками трав опали ветры.
До избы теперь,
как до звезды,
Миллионы сонных километров.
Топь да глина,
ива да ольха.
Спит земля, накрывшись лопухами,
Ровное дыхание стиха –
Сухоны полночное дыханье.
На лугах кусты – как шалаши.
Расстоянья ночью пахнут сеном.
Словно равноденствие души –
Мерное дыхание Вселенной.
Ночь полощет в омуте звезду.
Берег у реки осклизл и порист...
Над рекою в травы упаду,
Буду плыть, лицом к заре покоясь.

д. Селище
1963

* * *

О чём-то хорошем мечтается.
Горстями бруснику беру.
Смотрю, как вдали намечается
Болото просветом в бору.
На равных с цветами беседую –
Да я ли о них не радел! –
Спрошу, почему Андромедою
Назвался болотный подбел.
Иные слова и созвучия
Мне дарит в лесу тишина.
Ходи, удивляйся, заучивай
Задумчивых трав имена.
Спускаюсь пологой тропинкою
К речушке сквозь сумрак лесной
И чую, как слабой травинкою
Душа проросла тишиной.

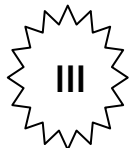
*Кадушский лесхоз, Вологодская область
1964*

ОСЕННИЙ ЛЕС

В стороне от шумных дел,
Тихий, сводчато-соборный,
Вовсе он не опустел –
Стал по осени просторней.
Разговаривает вслух
Целый день с самим собою,
Прячет пуговицы волнух
Под опавшею листвою.
Приструню печаль-сестру,
Запалю костёр из сучьев.
Лес подвинется к костру,
По-осеннему задумчив.
Под ушкуйный свист клестов
Неспеша душой оттаёт.
От рябиновых костров
В глубине его светает.

*Белозерский лесхоз,
Вологодская область
1967*

...И ЖУРАВЛИ НАД РОЖЬЮ

* * *

В купальницах суглинистая согра*.
Заросший склон горичником богат.
По капелькам в букет душистый собран
С цветков неярких здешний аромат.
Он тонок, запашист, но не назойлив,
Он весь в вечернем воздухе разлит.
Забрось дела, приди сюда с косою –
Пусть под косою клевер задымит.
Чтоб с каждым шагом равномерней взмахи,
Уверенней клади за рядом ряд.
Устань –
и тыльной стороной рубахи
Отри с лица задымленный закат.

*д. Мазкса, Вологодская область
1967*

* Согра (влд. арх.) – болотистая равнина с кочкарником, иногда – сырая лесистая возвышенность на суглинке с прокосными полянами среди ельников.

* * *

Я в краснословы не гоюсь.
Иной витийствовать затеет...
А есть одно лишь слово –
Русь!
Короткое,
 а как заденет!
Что мне, короче говоря,
До слов красивых и порожних!
А в этом слышится:
 заря
И журавли над сжатой рожью,
И дальний, еле слышный гром,
И радость, бьющая негромко
По сердцу песенным крылом,
И леса синяя каёмка...

1981

НА МОЛОГЕ

Распев вологодский не вышел из моды.
Вольготнее песням в сосновом краю.
Лишь солнце ударит в смолистые своды –
Буксиры в затонах окликнут зарю.

Рассветный туман поплывёт над Мологой,
Качнув застоявшийся запах смолья.
И баба богиней –
живой, босоногой –
Сойдёт по откосу с корзиной белья.

Ни облачка. Высветлен солнцем фарватер,
И отмель пестреет гусиным пером.
Трудяга буксир под названьем «Новатор»,
Скрипя от усердия, тянет паром.

Рабочие граждане сходят с парома.
Сливается говор в распев речевой.
И хитрый паромщик, как старый знакомый,
Кричит мне:
– Ну как она, жизнь? Ничего?..

*Устюженский район, Вологодская область
1961*

ГРОЗА ВО ВРЕМЯ РЫБАЛКИ

У парнишки под рубашкой
Ветер вздыбился бугром,
И пустым ведром за Вашкой
Перекатывался гром.
Приближалась метр за метром
Туча, мрачная, как Бог.
Не течением, а ветром
Относило поплавок.
Вспышкой света мглу пронзило,
Чайки ныли: быть беде!
И уже заморосило –
Как сквозь сито – по воде.
Гром – подобием обвала –
Мог и мёртвых разбудить...
В то же время так клевало –
Не хотелось уходить!

с. Лешуконское

ХУТОРОК В ЛЕСУ

Справа – поле, сырь-елóха – слева.
На задах бормочут косачи...
И хозяйка носит имя Ева,
Целый день колдует у печи.
А её Адам на огороды
Возит из телятника навоз.
От житейских бурь, от непогоды –
Двести пятьдесят и – под наркоз!
Жизнь их в общем не витиевата.
Но с другой посмотришь стороны –
Подрастают всё-таки телята
И пекутся к праздникам блины.

Питкярантский район, Карелия

СТАРЫЙ ЛЕСНИЧИЙ

Своей фортуны не упустишь
И до конца на том стоишь,
Пока заброшенную пустошь
Живой сосной не залесишь.

И свет зелёной жизни брызнет,
Сомкнутся кроны в бор густой –
Лишь за чертою твоей жизни,
Как ни печально: за чертой!

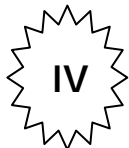
И жизнь идёт к последней точке,
На что же дни твои ушли?..
На мысль о молодом лесочке:
Как бы туристы не сожгли!

Подмосковье
2003

ЛЮБИТЕЛЮ ПРИРОДЫ

А как воспринимаешь ты природу?
Как отдых у реки? Или как моду
На всяких там прогулочных собак,
Коль ты на что-то большее слабак?
Заводят же питонов и мартышек...
А есть ещё любители картишек –
Те, что, к берёзке привалясь бочком,
До помраченья дуются в очко...
Иль коллективный выезд по грибы
Всё тем же малым радостям в угоду,
Когда природа – место для гульбы,
Где лезут на рожон, не зная броду,
И эхо вторит чьим-то пьяным крикам,
И нечисть кажет свой зловредный лик...
Одни природу знают лишь по книгам.
Как много нынче всяких умных книг!..
Но ничего, пожалуй, не сравнится
С тем случаем, когда в глухой тайге
Тебе, представь, пришлось бы заблудиться, –
И ты один. Лишь эхо вдалеке.
Что ж, ты легко, к примеру, по субботам
Отождествлял природу с пикником.
И вот она тебе – под зад пинком! –
И ты летишь ко всем чертям болотным!
А там уж дальше, я не знаю, как:
Судьба в руках слепого небосвода...
Но прежде ты узнаешь, что природа
Отнюдь не развлеченье, не пустяк,
Не хобби и, тем более, не мода.

СОЛНЦЕ НАД СНЕГАМИ

* * *

Ещё метель проносится, как скорый,
По водосточным трубам грохоча,
Но в фокусе внезапного луча
Уже преображаются просторы.
Ещё позёмка, словно сотня змей,
Скользит и извивается по полю,
Но лес уже сквозь снежную неволю
Почувствовал тепло весенних дней.
Ещё слегка морозит по утрам,
Хрустит ледок стеклом под каблуками,
Но – задымилось солнце над снегами,
И распахнулась даль тугим ветрам.
Уже сосульки, как карандаши,
Под крышами заточены на совесть, –
Как будто март спешит засесть за повесть,
Чтоб рассказать, как вербы хороши.
Уже зиме не взять нас на испуг,
На выселках грачи собрали кворум.
И сердце, окрылённое простором,
Готово птицей выпорхнуть из рук.

* * *

Соберу всю нежность по крупицам,
Что осталась после сорока,
И к запястьям, пахнувшим корицей,
Припаду –
щедра твоя рука!

Не твои ли губы – мёд гречишный,
Собранный с некошених полян?
Нежностью, как глупостью мальчишьей,
Я сегодня старомодно пьян.

Эхом в глубине лесных акустик
Отзовись, чтоб кануть без следа...
В сладости твоей горчинка грусти.
И разлукой пахнет лебеда.

* * *

Себя сожаленьем не мучай,
Рассмейся – и вся недолга! –
Такой вот безвыходный случай,
Что стала ты мне дорога.

Сквозь быт, что поднялся стеною,
Сквозь строй любопытных дверей
Меня к тебе смыло волною,
Сорвав, как корабль, с якорей.

И вот без ветрил, без надежды,
Весь опыт пустив на распыл,
Я вдруг обнаружил, что прежде
Так трудно ещё не любил.

Как часто в проулках подлунных
Я клялся в любви, не любя!
Как жаль мне беспечных и юных
Тех лет, что прошли без тебя!

Как будто весь жизненный опыт,
Ушедший в работу и быт,
Пронёсся сквозь душу под топот
Промчавшихся мимо копыт...

СТАРИК

...Когда обвальный запах сена
Его до слёз разволновал,
Он опустился на колено
И землю ту поцеловал.
Взглянул на вольные равнины.
Слетела кепка с головы
На ворох свежей кошенины,
В прохладу вянущей травы.
Ушёл походкою неспешной,
Где солнца теплился овал,
И ветер молодости грешной
Его морщины омывал.

1970

СОСНА

Осень. Листьев желтизна.
Лисья, в общем-то, повадка
У природы.

Лишь сосна
Держит форму для порядка.

Сам сентябрь – о том и речь! –
Перед ней, как школьник, робок:
У сосны зелёный френч,
Воротник под подбородок.

Словно с веком наравне
Встала –
корнем той породы,
Чьи заботы – в стороне
От сезонных смен природы.

* * *

Как с сиротского погоста –
Обожгло свежо и остро.
В сумрак, мутный от чернил,
Серый дождик плащ в полоску
С плеч покатых обронил.
И над ельником скрипучим
Друг за другом,
Следом в след
Журавли прошибли тучи,
Клином выбились в рассвет.
И, как леший над обрывом,
Север –
в льдышках борода –
В две ноздри свистел с надрывом,
Выстужая города.

Белозерский лесхоз,
Вологодская область
1967

* * *

Неделя до зимы –
Скажи, какая малость! –
От ягод бузины
Всего лишь горсть осталась.
Как с крыши шалаша,
Стекает лист с берёзы,
И клонится душа
В объятья трезвой прозы.
Лес мрачен, как погост,
В суровой укоризне
Преследует вопрос.
О чём? –
О смысле жизни.
Препоручи теперь
Себя иным заботам.
Случайно скрипнет дверь,
Неволью вздрогнешь:
«Кто там?»
Стоит в дверях рассвет,
Как заспанный лесничий,
И с губ его в ответ
Слетает свист синичий.

1985

СЛОВО ОБ АВТОРЕ

Поэзия, как и театр, – не отображающее зеркало, а увеличивающая лупа. Но... увеличивающая не временные событийные дрязги, а Душу, очищающая её, – хотя повод для возникновения подлинной поэзии может быть любым («Когда б Вы знали, из какого сора...»).

А здесь – не сор, здесь возвышающие и просветляющие боры, облака. И, контрастом, – болота, извечная мрачноватая российская малая родина былей, страшных сказок и легенд. Впрочем, и сам поэт, вероятно, не сможет с бухгалтерской точностью описать те импульсы, что дают жизнь очередному стихотворению (Пушкин, больной, «спускающийся» к Чёрному морю, к Гурзуфу, через Бахчисарай, разочарован, если не поражён, хилой, ржавой струйкой легендарного фонтана; и что же – проходит время, и возникает «фонтан любви, фонтан живой...»).

Переосмысление данности, уловление вертикали: лес – небо – Душа – это ли не благодатное занятие для поэта и старшего техника лесомелиоративной экспедиции! Именно здесь, в лесных болотах, на водоразделе рек Мологи и Чагодоши, в этих двух ипостасях и оказался бывший лестеховский студент Юра Куксов.

Познакомился я с ним в 1961 году – сначала на страницах, а потом в редакции вузовской многотиражки «Советский лесоинженер». И как-то сразу связались чистые, искренние стихи на её «Литературных страницах» с образом белозубого, всегда улыбчивого и добродушного крепкого парня.

Первое, попавшееся на глаза мне, тогда студенту третьего курса, стихотворение «Дом тобою полон» поразило светлой печалью (такую довелось ощутить позд-

нее от «Зеркала» Тарковского), – как и «режиссёрский» взгляд поэта, сохранившийся у него на всю жизнь:

*Я в дом взволнованно вхожу,
Где в тишине печальной
Твои приметы нахожу
За мелочью случайной.
Тебя я в памяти ищу,
В окне сдвигаю радугу,
На подоконнике грущу
И тихо-тихо радуюсь.
Как много мне наобещал
День августовский, летний! –
Я нахожу тебя в вещах,
Оставшихся в передней.
Из забытья, туманно тих,
Всплывает нежный образ.
Повсюду память рук твоих,
Застенчивых и добрых.
Да! Я сегодня в этот дом
Пришёл не к стенам голым.
Я не один. Мы здесь вдвоём –
Весь дом тобою полон.*

Не меньше, чем стихи, поразила меня его... борода и, вообще, весь его облик какого-то «нездешнего» – из древнерусских времён – былинного молодца. Студенческая борода – не бородка, не бородёнка – была диковинной, но веяли оттепельные («хемингуэвские») ветры, и, видимо, борода попадала в категорию «дозволено». Но это не была дань моде – поэт и в быту, и в стихах был естественен во всём.

Полетел Гагарин. Юрий тут же откликнулся на это – стихами, доброй статьёй. Он словно был там, с ним, в космосе. Восхищение, гордость за страну, и, конечно же, романтика, которая уже преобладала в оттепельных песнях бардов. Все куда-то рвались, оставаясь, однако,

за надёжными стенами городских квартир. Но Юрий был, если можно так выразиться, романтик-практик. В 1958 году осваивал целину, в 1961-м – болота Вологодчины, а потом, в течение 14 лет, – леса и болота Мещёры, Онеги, Забайкалья.

Вместе с отчётами в Москву возвращались стихи. Тем не менее, его поэзия – не «отраслевая», она шире всего зрительного и явно видимого. Он не акын и не якут, описывающие природу, климат и природные явления «один к одному». Всё – повод для размышления над параллелями нашего вещного и вечного мира. Всё – забота о Родине, её будущем. Ничего не говорят вам печальные строки из стихотворения о больных деревьях? –

*Страшно им со смертью согласиться,
Распроститься с небом навсегда,
Жить и знать, что никакая птица
В мёртвой кроне не совьёт гнезда.*

Но...

*Бор шумит высокий, чистый, светлый,
Эхом отдающийся во мне...*

Тонка грань между оптимизмом и пессимизмом в наше время. И сделать окончательный «вывод» творческому человеку сложно – особенно если он человек, видящий всё «изнутри», из «глубины лесов, из глубины жизни и души». Что он должен донести до людей, точнее, вынести как поэт и как (позднее) журналист? К чему призывать? Сквозь кажущееся несколько «языческое» восприятие и выражение мира – «поклонение» природе («старый бор – моя исповедальня») – волей-неволей проступает образ творца цветов, болот, лесов.

Любящий людей с их слабостями, с их высокими душами, описывая событийные – свои и чужие – явления, поэт, как всегда водилось на Руси, обращаясь к Душе, зовёт к добру во имя будущего России. Как пишет в предисловии к первой книге Юрия Куксова «Андромеда» её

редактор-составитель Лев Котюков, «стихи его – исповедь души, исповедь русского человека. Нет в ней, этой исповеди, ни самолюбования, ни самоуничужения». Эти же слова можно отнести и к его журналистике – в «Подмосковье», «Народной газете», «Лесной России», «Губернии», других изданиях. Его экологические очерки поэтичны, поэзия точна. Наблюдательность, юмор, доброжелательность, высокий профессионализм лестеховца и поэта возникли, как замечает Лев Котюков, «от соприкосновения с прекрасным, по воле Божьей, а не в результате натужного самокопания в тёмных безднах бессознания...»)

Россия без поэзии – не Россия. А поэты на Руси не переводятся... И один из них – лестеховец Юрий Куксов.

Алексей Волобаев,
профессор Московского государственного
университета леса

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАГЛЯНУТЬ ЗА ГОРИЗОНТ

БОРЫ	3
«На мох прилягу, мох – перина...»	4
«Природа с нами ищет встреч...»	5
«Я полон гулом океана...»	6
«Только так – сгоряча...»	7
«Своей судьбе я был начальником...»	8
«Мы душой лесные люди...»	10
«Всплеснёт заря в объётах бора...»	11
«Столковался по болотам...»	12
Больные деревья	14
В горной тайге	15
«В горах, в утробе ледника...»	16
«Когда прибой уснёт в прибрежной гальке...»	17
Тайга зимой	18
Ладога	19
Заполярье	20
ВОЗВРАЩАЯСЬ В ТИШИНУ	
«В мои привычки входит прочно...»	21
Начинаем с грустью понимать...	22
«От всевельможной дурости...»	23
Лесная сторожка	24
Медведи	25
«Как страшно оступиться в тишине...»	27
Вздымщицы	28
Нея	29
Ночь на Сухоне	30
«О чём-то хорошем мечтается...»	31
Осенний лес	32
...И ЖУРАВЛИ НАД РОЖЬЮ	
«В купальницах суглинистая согра...»	33
«Я в краснословы не гожусь...»	34

На Мологе	35
Гроза во время рыбалки	36
Хуторок в лесу	37
Старый лесничий.....	38
Любителю природы	39
СОЛНЦЕ НАД СНЕГАМИ	
«Ещё метель проносится, как скорый...»	40
«Соберу всю нежность по крупицам...»	41
«Себя сожаленьем не мучай...»	42
Старик.....	43
Сосна	44
«Как с сиротского погоста...»	45
«Неделя до зимы...»	46
СЛОВО ОБ АВТОРЕ.....	47

Редактор-составитель В.В.Крамаренко
Технический редактор З.А.Полит

Книга выходит в авторской редакции
Некоммерческое литературно-художественное издание

Юрий Васильевич Куксов
Лесом – полем: стихотворения

Сдано в набор 12.10.2004
Подписано в печать 27.10.2004
Формат 60х90 1/16
Гарнитура Century Gothic. Печать офсетная
Тираж 500 экз.
Отпечатано в Издательстве Московского
государственного университета леса